

◆ Валерий Введенский ◆

Валерий Введенский

**Напиши себе
некролог**

Москва
2024

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
В24

Введенский, Валерий Владимирович.

В24 Напиши себе некролог / Валерий Введенский. — Москва : Эксмо, 2024. — 416 с. — (Исторический детективъ Николая Свечина и Валерия Введенского).

ISBN 978-5-04-195843-5

Санкт-Петербург, 1871 год. Чиновник сыскной полиции Арсений Яблочков расследует исчезновение юной Капы Гневышевой и убийство ее брата Костика. Поиски приводят его в дачный домик в одном из предместий, где он находит окровавленный носовой платок пропавшей девушки. Однако выяснить, что произошло, ему не удастся — сыщика оглушают ударом по голове, а домик поджигают...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-195843-5

© Введенский В.В., 2019
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2024

ГЛАВА ПЕРВАЯ

30 мая 1871 года,
воскресенье

Дверь в кабинет приоткрылась:

— Можно?

Яблочков, продолжая скрипеть пером, кивнул.

— Господин Крутилин? — уточнил вошедший.

Арсений Иванович мотнул головой:

— Нет его и сегодня не будет. Неприсутственный день.

— Но табличка...

— Я его замещаю. Чиновник для поручений Яблочков, — отрекомендовался Арсений Иванович, отложил перо и, взглянув на посетителя, с ходу составил словесный портрет: глаза синие, нос прямой, продолговатое лицо усыпано веснушками, редкие седые волосы зачесаны, дабы замаскировать проплешины. Возраст — чуть меньше сорока, одет в черный фрак тонкого сукна с об-

тянутыми тканью по последней моде пуговицами, на ногах — лакированные ботинки с серым суконным верхом, в левой руке — массивная трость, в правой — цилиндр, атласный галстук заколот булавкой с бриллиантом. Кто же перед ним? Аристократ? Если судить по внешности, то несомненно. Но аристократ дверь кабинета начальника сыскной полиции распахнул бы ногой. И разговаривал бы через губу. А этот заискивает... Значит, купец. Причем не из наших, неправославный. Наши по старинке предпочитают носить бороды и армяки. Немец, поляк?

Посетитель, будто услышав размышления Арсения Ивановича, подал визитную карточку.

«Тейтельбаум Григорий Михайлович, купец первой гильдии, собственные лавки готового платья в Гостином дворе и Пассаже», — прочел Яблочков и похвалил себя: «И что купец угадал, и что пруссак!»

Начинающий сыщик постоянно упражнялся в умении с ходу определять сословную принадлежность, род занятий и национальность, и сие умение все чаще ему пригождалось.

— Крутилина точно не будет? — еще раз уточнил посетитель, пристраивая летнее светло-кофейного цвета пальто на крючок вешалки.

— Точно. К семье укатил, на дачу.

— Мы тоже на днях переехали. Кто мог подумать, что вернутся холода? Вчера такая жара стоя-

ла, а сегодня — четыре градуса по Реомюру♦! Брр! Просто неслыханно. Потому Белочка и отправила меня за шубами.

— Белочка? — удивился Яблочков.

— Жена.

Арсений Иванович усмехнулся. Какими только прозвищами не называют друг друга супруги: зайнышка, рыбонька. А покойный генерал-майор Ефимов-Ольский и вовсе откликнулся на верблюжонка.

Тейтельбаум тем временем продолжал объяснять причину своего появления в сыскальной:

— ...вхожу, а вещи по полу раскиданы. Обокрали меня, обокрали!

Яблочков, услышав про кражу, встрепенулся:

— Простите, отвлекся. У вас дачу обокрали?

Если дачу, то посетитель ехал в сыскальную напрасно, ему следует обратиться в уездную полицию♦♦.

— Нет, городскую квартиру.

— Понятно, — вздохнул Арсений Иванович. — Наружную полицию вызвали?

— Нет. Сразу к вам. То бишь к Крутилину.

— Сперва надобно в участок. А вот ежели не справятся...

♦ Плюс пять по шкале Цельсия.

♦♦ Санкт-Петербургская сыскальная полиция расследовала преступления только в черте города.

— Зная нашего пристава, уверен, что не справятся. Лентяй и тупица, в собственном глазу бревна не увидит. А тем временем дети будут мерзнуть. И Беллочка тоже. Шубы нужны срочно. Конечно, я мог бы купить новые. Но тогда Беллочка догадается, что нас ограбили. А у нее больное сердце.

— Сочувствую. Но мы — не волшебники, — Яблочков широко развел руками для убедительности. — Потребуется время. Неделя, а то и больше. Очень надеюсь, что жара к тому времени вернется. И, значит, шубы вам будут не нужны.

— Как так неделя? Говорят, Иван Дмитриевич возвращает вещи в день обращения.

— Кто говорит?

— Один мой клиент.

— Такое случается. Но редко. Очень редко. Вашему клиенту крупно повезло. Думаю, что вор, обокравший его квартиру, был уже изловлен.

— И что прикажете делать?

— Ехать в участок.

Тейтельбаум встал, подошел к вешалке, снял пальто. Но сразу повесил обратно.

— Простите, я ведь главное не сказал, — хлопнул он себя ладонью по голове. — Я готов заплатить за хлопоты. Назовите цену.

Яблочков призадумался: Тейтельбаум сообщил, что переехал на дачу недавно, следовательно, ограбление произошло только что, а значит, имелся шанс, и неплохой, отыскать свидетелей.

Наверняка дворники или соседи видели, как преступники выносили вещи. Кто-то из них мог даже их внешность запомнить. Если фотопортреты найдутся в картотеке — дело, считай, раскрыто.

Сколько же запросить денег? Пять, десять?

— Пятнадцать, — выдохнул Арсений Иванович.

— Тысяч? — округлились глаза у Тейтельбаума.

— Что вы? — улыбнулся Яблочков. — Рублей, пятнадцать рублей.

— Я заплачу пятьдесят, если шубы вернете сегодня.

— Хорошо, сделаю, что смогу. Но обещать не могу. Итак, приступим. Когда вы переехали?

— Позавчера. Собирались еще в середине мая, но все время стояли холода, потеплело только во вторник. И мы с Беллочкой решили, что пора.

— Вчера в квартиру не заезжали?

— В субботу? Шутить изволите?

— Простите, не понял, — признался Яблочков.

— Священный для иудеев день.

— Так вы еврей?

— Да, — с вызовом ответил Тейтельбаум. — Подданный Его Императорского Величества. А у вас что — предубеждение к нам?

— Нет, — покачал головой Яблочков.

Как же он так опростоволосился? Решил, что пруссак, а оказалось — еврей.

— Просто вы не похожи. Я думал, евреи все чернявые, с бородой и в шапочке...

— Чернявые отнюдь не все. А от бороды с кипой пришлось отказаться, иначе покупатели обходили бы мою лавку стороной. Евреев в столице пока не жалуют.

— Что ж! — привстал Арсений Иванович. — Поехали смотреть квартиру.

Тейтельбаумы проживали в Большой Коломне, в доходном доме на Офицерской♦, двадцать девять, рядом с Литовским замком♦♦.

— Почему здесь? — удивился Яблочков. — У вас ведь лавки на Невском.

— Потому что здесь поселились мои единоверцы, первые переехавшие в Петербург. Видите ли, наш народ уже две тысячи лет рассеян по свету. И везде к нам относятся неважно. Поджоги, убийства, погромы — обычное дело что в Европе, что в Османской империи. Потому мы и держимся вместе, кагалом. Чтобы дать отпор.

— Тпру, — скомандовал извозчик.

Григорий Михайлович велел ему дожидаться и вместе с Яблочковым направился к парадному подъезду. Дверь перед ними распахнул швейцар в расшитой золотом ливрее: рослый, чуть ли не

♦ Ныне — улица Декабристов.

♦♦ Пересылочная тюрьма, разрушена в 1917 году.

двенадцати вершков♦, вихрастый, волос каштановый, возраст — чуть больше двадцати, по всем приметам — крестьянский сын на заработках.

— Аще что позабыли? — спросил он у купца с подобострастной улыбочкой.

Но в серых, по-ястребиному посаженных глазах Яблочков заметил испуг. «Причастен», — решил он и вытащил удостоверение:

— Сыскная полиция.

— По-полиция, — пробормотал, запинаясь, швейцар. — А чаво случилось?

— Неужели сам не знаешь?

— Не знаю, ей-богу, не знаю. У нас все чинно-благородно. С самого утра полный абажур, тока Афанасий Евгеньевич с Таисией Павловной шибко полаялись, коды в церкву пошли. А боле ничаво.

— Точно абажур? — с насмешкой уточнил Яблочков.

У швейцара, несмотря на четыре Реомюра, на лбу выступил пот:

— Ничаво-с. Еще вот Гирша Менделевич вернулись, — указал он на Тейтельбаума. — И сразу уехали взад.

Яблочков удивленно на него посмотрел, мол, что еще за Гирша?

♦ 1 метр 95 см. Рост человека определялся в количестве вершков (1 вершок равен 4,45 см) свыше двух аршинов (1 метр 42 см).

— Так меня по паспорту звать, — пояснил купец.
— Запри-ка дверь, пойдешь с нами наверх, — велел швейцару Арсений Иванович.

А то еще сбежит, ищи его потом.

— Никак не можно, хозяин отлучаться не велит...

Яблочков вынул ремингтон:

— Делай, как сказано...

Швейцар аж ниже ростом стал. Поплелся покорно по лестнице, осеняя себя крестным знаменем.

— Кого из посторонних вчера и позавчера пустил в дом? — спросил его сыщик.

— Ломовиков, что Гиршу Менделевича на дачу отвозили.

— А потом?

На площадке второго этажа купец вытащил ключи.

— Погодите, сперва замок осмотрю, — остановил его чиновник для поручений и, достав лупу, сел на корточки перед дверью. — Отмычкой ее открывали. Причем недавно. Убедитесь сами. Видите царапину? Свежая.

Тейтельбаум, нацепив монокль, удостоверился:

— Да-с.

— И кто тут у нас царапался? — Яблочков повернулся к швейцару и потряс у него под самым носом ремингтоном. — Последний раз по хорошему спрашиваю.

— Не з-знаю.

— А как звать тебя, знаешь?

— Звать-то? — переспросил швейцар. — Захаркой. А по фамилии мы Петровы.

— Так вот, Захарка Петров, врешь ты, как сивый мерин.

— Чесслово, чистую правду...

— Открывайте, Гирша Менделевич, — скомандовал Арсений Иванович.

Шкафы с сундуками в передней были вскрыты и выпотрошены. Те из вещей, что воров не заинтересовали, — книги, школьные ранцы, старые тряпки — раскиданы на полу.

— Сколько было шуб? — спросил Арсений Иванович.

— У жены три, у меня парочка, у каждого из деток. У нас их шестеро. А седьмой уже в животике шевелится. Ой, и Беллочкины шляпки украли.

Тейтельбаум подошел к буфету, открыл створку, достал оттуда фарфоровую чашку и в нее заглянул:

— И бабушкину брошь унесли. Янтарь в золоте. Беллочка нарочно ее дома оставила, чтоб не потерять. Семейная реликвия. Беллочка не переживет.

Яблочков, спрятав оружие, прижал швейцара к стенке:

— Крики из Литовского замка часто слышишь?

— Кажденную ночь...

— Сегодня сам там будешь орать. Сдернут с тебя шинельку, задерут рубаху и как пойдут лупцевать...

— Не надо. Расскажу как на духу...

Уселюсь в гостиной вокруг стола:

— По средам у меня банный день, — начал Захарка. — Мирон вместо меня дверь открывает, старший дворник. А я после баньки забегаяю на Фонтанку в трактир Бусурина. Обчество там в горку♦ играет. Обычно ставки копеечные, но в тот раз...

— Когда дело было?

— Три недели назад. Ставки росли и росли. А мне везло и везло. А потом раз — и сглазили. Проиграл все, что выиграл, аще должен остался.

— Много? — уточнил Арсений Иванович.

— Семьдесят рублей. В следующую среду, кады отыгратся пришел, меня в обчество не пустили, сразу к хозяину отвели, к Бусурину. Он спросил: «Долг принес?» Я протянул червонец, как раз накануне жалованье получил. «А остальные?» — заорал Бусурин. Я поклялся, что, коли оставит мне мой червончик, сегодня же отыграюсь. «А ежели наоборот?» — «Тогда буду отдавать потихоньку, с каждого жалованья». Бусурин засмеялся: «Как тебе будет угодно. Только запомни: за каждый день задержки — штраф с тебя. Рубль!» Вышел я из трактира сам не свой. Это ведь чаво полу-

♦ Карточная игра.

чается? Штраф с меня тридцать рублей в месяц, а в иной тридцать один. А жалованье — червонец, еще чаевых от жильцов — когда рубль, когда — полтора. Ни в жизнь мне с Бусуриным не рассчитаться. Хотел, было, утопиться, а потом нашел в кармане гривенник. Чудом заваялся. Зашел в другой трактир, заказал водки, чтобы выпить перед смертью, и тут ко мне мужичок подсаживается с полуштофом: «Вижу, горе у тебя. Давай угощу, авось, полегчает». Я и согласился, кто ж откажется? И за водочкой новому приятелю про все беды и рассказал. Тот слушал, слушал, а потом огорошил: мол, могу помочь. «Швейцаром, говоришь, служишь? А есть ли в твоём доме жильцы, что, выезжая на дачи, квартиры оставляют за собой и потому вещи не вывозят?» Ну я сразу про Гиршу Менделевича вспомнил. И рассказал Иван Ивановичу, так моего нового приятеля звали. Он аж зарделся: «Что, вправду, жид?» Я: «А что такого? У нас в околотке их пруд пруди! И все с достатком...» Иван Иванович в ответ: «Вот и замечательно! Жида ограбить грехом не считается. Наоборот, за такое богоугодное дело сразу в рай попадем на том свете. Пусти-ка меня в дом, когда жид на дачу отправится, я тебе семьдесят рублей за это дам». Я засомневался: «Так ведь на меня подумают. А я на каторгу не хочу. Лучше уж в Крюков канал». Но Иван Иваныч меня успокоил: «Кража откроется только осенью, когда жид вернется с дачи.

Кто тогда на тебя подумает? Ты ведь на июль к родителям поедешь?» — «Ну да, с урожаем помочь». — «А раз тебя не будет, на тебя и не подумают». — Я и согласился. Куда было деваться? Разве что в канал.

— Надо было ко мне прийти, рассказать начистоту, — воскликнул Тейтельбаум. — Мы бы пошли в полицию, подстроили бы этому негодяю ловушку. Твой Иван Иванович уже в тюрьме бы сидел.

— А мой долг?

— Я его бы покрыл. А ты потом бы рассчитался со мной. Потихоньку, как и собирался. И безо всяких процентов.

Захарка помотал головой:

— Это вы теперь такой щедрый.

— Я что? Разве тебя когда-нибудь обижал? — накинулся на него купец. — Со стола гостинцы посылал. На праздник деньгами одаривал.

— Простите, Гирша Менделевич. Анчутка меня попутал, — прослезился швейцар.

— Рассказывай дальше, — велел ему Яблочков.

— В пятницу, как только Гирша Менделевич с Беллой Соломоновной укатили, появился Иван Иванович. Будто их караулил. Принес штоф столового вина: «Вечером дворникам поставишь, скажешь, известие из деревни получил, де, племянник родился. Предложишь радость такую обмыть. Только сам не вздумай из той бутылки хлебать, лишь пригуби для вида. Через час, когда дворни-

ки уснут, выйди на улицу и закури, то будет нам знак. Сразу подъедем».

— Подъедем? — переспросил Яблочков. — Значит, не в одиночку действовал?

Швейцар кивнул.

— Сколько их было?

— Трое. Иван Иванович и двое парней. Шибко на него похожи. Наверно, сыновья.

— Возраст, приметы?

— Иван Ивановичу за пятьдесят, старшему его сыну лет двадцать, младшему — пятнадцать или шестнадцать, кто их, пацанов, разберет? Носы у всех картошкой, волос русый. Старший с отцом наверх пошли. А младший при лошадке остался. Нервничал шибко. Особенно, когда околоточный мимо проходил. Но Степан Филимонович ни о чем спрашивать его не стал, записал себе номерок и дальше пошел.

— Околоточный номер телеги записал? — переспросил Арсений Иванович, не веря своему счастью.

— Степан Филимонович всегда все записывает. Где смитье♦ валяется, где штукатурка треснула, где на телегу вещи грузят. Потому что на память уж не надеется, больно он старенький.

— Едем в участок, ты — с нами, — сказал Яблочков Захарке.

♦ Мусор — от слова «сметать».

— Я-то вам зачем? Мне на пост надо. Ежели старший дворник отлучку заметит, со службы попрут...

— Служба твоя на этом закончена. Статья 1645 «Уложений о наказаниях уголовных и исправительных», — процитировал Яблочков на память. — «Те из пособников, коих содействие было необходимо для совершения преступления», наказываются по первой степени статьи 31-й Уложения о наказаниях». Так что ждет тебя, Захарка, дорога длинная в Иркутскую губернию.

— Да какой я пособник? В квартиру даже не подымался. И денег обещанных не получил. Иван Иванович сказал, что сам их Бусурину отдаст. Сказал, игрокам деньги в руки давать нельзя, сразу, мол, проиграешь.

— Повернись-ка, руки тебе завяжу, — велел швейцару Яблочков.

— Гирша Менделевич, да скажите, что я невинный. И что хороший! Помните, Мойше вашему свистелку смастерил? То-то радость была у мальчика. Пощадите, не виноват, — Захарка рухнул на колени.

Купец брезгливо отшатнулся:

— Как же не виноват? Ты на то и поставлен, чтоб имущество мое охранять.

Захарка стал биться головой о стену:

— Прошу, прошу...

— Вставай, хватит ныть, — дернул швейцара за воротник Яблочков.

Оба участка Коломенской части размещались в здании у Калинкина моста. Околоточный первого участка Степан Коптелов только-только вернулся с обхода и, чтобы согреться, гонял чай с подчасками♦. Увидев Захарку со связанными руками, воскликнул:

— Ну что? Доигрался? Я ведь говорил, что игра в горку тюрьмой закончится. И домовладельцу твоему указывал. А он в ус не дул: «А что такого? Я тоже картишки люблю».

— Сыскная полиция, чиновник для поручений Яблочков, — представился втолкнувший задержанного Арсений Иванович.

— Околоточный Коптелов, — вытянулся околоточный. — Чайку, ваше благородие, али покрепче желаете?

— Спасибо, тороплюсь.

— За что Захарку задержали?

— Воров в дом пустил.

— Не верьте ему, Степан Филимоныч. Это все жид, Тейтельбаум. Сам себя обокрал, а на меня указывает, — закричал Захарка. — Вернулся сегодня и все подчистую вывез. Шубы, шапки...

♦ Подчаском считался городской в течение шести часов после смены с поста. Подчасков назначали на дежурство при участке, для конвоирования арестантов, в наряды, на посты в случае особой необходимости, а также болезни постового городского. Не получив никакого назначения, подчасок должен был оставаться у себя дома безотлучно на случай надобности.

— А ну-ка, заткнись, — велел задержанному околоточный и приказал одному из подчасков: — Эй, Сквородников, отведи-ка в камеру...

— Нет, Захарку я с собой заберу, — остановил городского Яблочков.

— Зачем тогда пожаловали? — удивился Коптелов.

— Захарка утверждает, что в пятницу вечером, когда квартиру Тейтельбаума обносили, вы с обходом шли по Офицерской.

— Я по Офицерской десять раз на дню хожу.

— ...и номер телеги, на которой приехали воры, записали...

— Сейчас поглядим. Так: «Офицерская, двадцать девять, девять двадцать пополудни, ломовая телега 17342».

— И не лень тебе, Филимоныч, под каждую дугу нагибаться♦? — удивился городской Сквородников, молодой розовощекий крепыш. — Шея-то, чай, не казенная.

— Может, и лень. И спина давно не гнется, — с нравоучительными нотками ответил околоточный. — Только, видишь, пригодилось мое рвение, благодаря ему воров сыщут.

— А тебе-то что с того? Награды-то им достанутся, — Сквородников кивнул на Яблочкова, — и благодарность от Тейтельбаума тоже.

♦ Номерной знак у ломовых извозчиков крепился на внутреннюю сторону дуги.